

Официально Кагами не участвует в чистке рядов. Мадара-сама привычно перетягивает все внимание на себя, давая ему возможность действовать из тени. Парню даже не приходится жертвовать временем, проведенным с командой, только чуть его сократить. Благо, Тобирама не торопится вновь покидать пределы селения, слишком много работы свалилось на его плечи, когда Сумико-сама загремела в больницу. Впрочем, про подопечных он не забывает, находя задания в деревне и просто тренируя.

Учиха даже начинает нравиться, у него появляются кто-то вроде друзей-мальчишек, с которыми многое можно обсудить и подурачиться. Не сейчас, конечно, но в будущем. В команде он один из ребят, а не просто единственный ученик-парень. Подсознательно взваленная на себя ответственность за жизнь девочек, в такие моменты, не довлеет над ним. Это приятно, да и... ему требовались те, на ком можно потренироваться в создании иллюзий, помочь увидеть ошибки. Поясняя их ребятам, Кагами стал лучше понимать свою силу и только задумчивый взгляд Тобирамы — напрягал. Он не спрашивал напрямую, но его связью с Сумико-сама заинтересовался. Не критично, но и не особо приятно. Главное, чтобы никто не узнал, что не только Мадара-сама отметился в «разговорах» с предавшими доверие. Эта информация не для чужаков.

Сообщение о том, что наставница пришла в себя, застаёт его уже под конец тренировки с командой. Ничего серьезного, поэтому он легко засек примчавшегося кота и тут же поторопился закончить бой. Возможно, он уходил и излишне поспешно, но тут уж ничего не поделаешь, вести тот принес важные, а Тобирама все равно присылает своего клона. Да и выведал он давно, кем ему приходится Сумико-сама. Все же сэнсэем он ее называл открыто (и гордился этим), хоть и не часто.

Несмотря на спешку, Кагами не успел застать бодрствующую наставницу, зато смог увидеть радостные улыбки сестер. Облегчение затопило сознание, критическая точка пройдена, теперь точно известно, что еще немного и Сумико-сама вернется в строй. Ну, а пока он может помочь в нелегком деле перетаскивания детской кровати и пристраивании игрушек. Разнокалиберные стеклянные фигурки животных и пластинки завораживали. Стоило лучику солнца попасть на них, как они озаряли помещение разноцветными бликами. Любое дуновение или неосторожное прикосновение, вызывали их столкновения друг с другом и тихий шелест, перезвон.

По глазам восторженных сестриц он видит, что игрушка приходится по душе не только ребенку. Мелкому, недовольному комочку, который (по мнению Кагами) абсолютно не похож на его наставницу. Впрочем, данное мнение он старательно держит при себе, уже столкнувшись с тем, что сходство появляется позже. Нет, он искренне считал себя обязанным защищать и помогать, но петь дифирамбы... этому? Поэтому Кагами благоразумно помалкивал, кивая в нужных местах, но не высказывая своего, отличного от остальных, мнения. Только Мадаре-сама честно признался, что не может определить на кого Тошико похожа больше и этого оказалось достаточно.

Взгляд задумчиво скользит по заполненным мелким шрифтом бумагам. Мадара-сама задал ему интересную задачку. Сумико-сама лишилась зрения и ей был нужен донор. Условные добровольцы были надежно прикованы к стенам комнаты, которой наставница не успела воспользоваться по назначению. Сильные, оттого и разум им потрошить пришлось долго, используя защищенное от посторонних глаз место. Мужчины и женщины разных возрастов и положений, но только у пятерых пробужден Мангеке. Теперь именно ему предстояло выбрать, кто вернет зрение Сумико-сама ценой своего.

Кагами не чувствовал угрызений совести, смотря на них. Они сами выбрали свою судьбу и винить в своем положении им было некого. Только вот... выбор был сложен. Парню требовалось сравнить кучу параметров и доверить это даже сестрам он не мог.

Девочки не готовы были услышать правду. Пусть лучше думают, что шаринганы хранились в запасниках Клана и после их просто оттуда достали. Так будет лучше для них.

Выбор был обширен и в тоже время нет. Он слишком мало знал о додзюцу, чтобы сделать выбор и в тоже время, тянуть больше не имело смысла. Ставку решено было сделать на родство и умения Хаширамы. И все же... Кагами отчаянно молился, чтобы все прошло хорошо. Он бы себе не простил иного.

На фоне переживаний за близкого человека, сама процедура извлечения не оставила особых эмоций. Неприятно было, конечно, но не более того. Эти люди сами виноваты во всем, не стоило им идти на предательство. В конце концов, они должны радоваться, что им позволили прожить на несколько дней больше, а не убили сразу после допроса.

Операция проходит успешно. Кагами даже удается лично увидеть, как все проходит и побыть ассистентом. Не у Сенджу, его задача была помогать восстанавливаться сестрам. Это тоже была ответственная задача, ведь больше никого запустить за барьеры они позволить не могли. В какой-то миг кажется, что они не справятся, возникает ощущение, будто весь мир замер, но Хашираме удается взять ситуацию под контроль. Выглядит он после этого... впрочем, остальные еще хуже. Даже Кагами, который только и мог наблюдать за чужими стараниями, осознавая ничтожность своих навыков. Теперь он отчетливо видел, как отличаются его навыки от умений сестер, вспоминать про Сенджу и вовсе кажется кощунственным. И больше не удается успокоить себя тем, что его собственные таланты в другом. В такие моменты он чувствует себя бесполезным.

Чувство усталости уже привычно. Это никак не сказывается на четкости движений, ведь она не физическая, а моральная. Кагами вымотан происходящем в Клане, ему не нравится становиться палачом и дознавателем, но он не жалеет. Он все сделал правильно, защищая то, что считал дорогим для себя. Тем хуже осознавать насколько они были наивны, не замечая происходящего вокруг. Только теперь, когда сам Глава Клана взялся за дело, стало выплывать много нехорошего. И дело даже не в зреющем бунте среди Главной Ветви, недовольные будут и были всегда, а в том, что на некоторых обнаружили следы воздействий. На ком-то почти незаметные, кое-кто наоборот, будто пропитался чужой силой, волей. Тот, кто готовил происходящее, обладал извращенным чувством юмора и невообразимым умением просачиваться везде. И он был умен. Учел прошлую неудачу и больше не собирался повторять.

Среди его жертв не было женщин, к которым было особое внимание. Он нацелился на мужчин. Тех, кто с гордостью носил мон Учиха на спине и шел в бой в первых рядах. Ну или когда-то шел в первых рядах. Его выбор падал на сильнейших или уже старейших. Иными словами тех, кто почти не получал ранений (особенно серьезных), а значит и выпадал из зоны интересов Сумико-сама. Все было просчитано идеально. Влиять на немногих обличенных властью, остальных те убедят сами. И это сработало.

— Кагами, не спи! — Учиха устало поднимает голову, смотря на излишне бодрого Сарутоби. У него нет сил, чтобы ответить что-то язвительное, а игнор уже не работает. На миссии спрятаться от Хирузена нет возможности, а рассказывать, что ему пришлось прошлую ночь дежурить в Военной Полиции — нет смысла. И нет, это не секрет, просто тогда тот не заткнется, вызывая подробности. — Кагами...

— Держи, Сару, — уже в открытый рот парня был воткнут питательный батончик. Второй был протянут Учиха. — Держи, Тобирама-сэнсэй сказал, что у нас есть еще двадцать минут, после возобновляем движение.

— Кохару! Кха! Зачем так внезапно! — еще один спрессованный брикетик появляется в чужих руках, как по волшебству, втыкаясь в не вовремя раскрывшийся рот.

— Отстань от Кагами, вспомни, что говорил Тобирама-сэнсэй, — девочка нахмурилась, а вот Сарутоби смутился, что невольно вызвало интерес о том, что им наболтал Сенджу. Впрочем, Учиха уже достаточно изучил невольного наставника, чтобы не пугаться происходящего. Тот важную информацию не выдавал, да и не знал ничего важного о его Клане. Максимум поведал о том, что Сумико-сама в больнице и пояснил, кем она ему приходится. Эту теорию подтверждало и смущение Хирузена, и сочувствии Кохару.

— Спасибо, — ленивый кивок, игнорирование кашляющего Сарутоби. Дежурство выпило из него все соки, ведь именно в тот день происходила операция на глаза Сумико-сама и даже Хаширама не был уверен в результате до самого конца. Наставнице об этом никто, конечно, не говорил, но все были в жутком напряжении, и о том, что самое страшное уже позади, стало известно буквально за пару часов до выхода. — Я буду к тому времени готов.

— Хорошо, — он видит откровенное сомнение в глазах девочки, но игнорирует его. В конце концов, он сказал правду. У него достаточно умений, чтобы прогнать усталость за это время, а там и до привала рукой подать. Ему хватит пары часов подремать, чтобы восстановить силы.

Задание он не провалит и поможет команде закончить его быстрее. Это в его же интересах,

ведь ему надо вернуться в Коноху и продолжить выслеживать угрозу, помогать с поиском защиты.

Наставница должна вернуться в безопасный дом, Клан, в котором не будет предателей, даже невольных.

С выздоровлением наставницы становится легче. Будто жизнь вернулась ко всему Клану. Она вроде бы и не вмешивается никуда особо, но в любом деле прослеживается ее влияние, а еще... опустевший кошачий дом вновь наполнился жизнью. Прятавшиеся ото всех дети вернулись на улицы, вновь зазвучал детский смех. Квартал ожил, из глаз людей постепенно уходил страх... не беспричинный, вынужденно признавал Кагами. Жертв может быть и было немного, но проверку пришлось пройти всем. Он не исключение. Впрочем, он так же и не в обиде, ведь предложил это сам, а его сестры только поддержали такое решение. Оказаться невольной марионеткой в чужих руках, страшило больше смерти каждого из них.

Проверки закончились намного раньше, чем выписали Сумико-сама, но только сейчас Мадара-сама стал улыбаться и гнетущая аура вокруг него пропала. Люди вдруг поверили, что все будет хорошо. И наставница не дает этой вере угаснуть, живо интересуясь делами всех и каждого, разбирая накопившиеся за ее отсутствия дела. Она и ему пару советов дала, указав на небольшие огрехи, которые в будущем могли бы вылиться в большие проблемы.

Кагами не мог не признать, что ему не хватает опыта, и за время поиска предателей другие направления его деятельности оказались незаслуженно забыты. Ему нечего сказать в свое оправдание, тем хуже становится от чужого понимания.

Она не ругала, не винила, просто смотрела чуть разочаровано и понимающе. Заставляя его чувствовать себя недостойным. Кагами ненавидел это ощущение почти так же сильно как свою беспомощность во время сложных операций на дорогих людях. Только там он не в силах был ничего поменять, для некоторых вещей нужен талант, а не только упорство, зато здесь он

облажался сам. И ему же это было исправлять, чем он старательно занимался в перерывах между миссиями, которые Тобирама вновь стал брать вне Конохи. Так было даже удобнее. Кагами мог посмотреть на ситуацию вне деревни и составить свое мнение, используя информацию во благо Клана.

Миссии вне деревни, становящиеся все продолжительнее и опаснее, за которые Кагами с командой иногда приходилось браться без поддержки Тобирамы, помогали лучше узнать друг друга. Все же даже просто путешествуя в тесном коллективе, ты либо с кем-то подружишься, либо разругаешься вдрызг. Его команда выбирала первое, постепенно налаживая взаимодействие и учась не просто существовать вместе, а доверять. Не все, подобное сложно даже внутри Клана, но многое. Уже одно то, что он, Учиха, стал доверять им прикрывать его спину — дорого стоило.

Миссии, совместные тренировки, обязанности в Клане, редкие уроки у Мадары-сама, все это занимало много времени и Кагами сам не заметил, как стал отдаляться от наставницы, да и сестер. Прислушиваться к словам Тобирамы...-сэнсэя постепенно становилось привычнее, пусть Главу своего Клана он считал большим авторитетом, но и невольный наставник больше не воспринимался в штыки. Настороженность исчезла, на ее место пришло уважение.

Сенджу не пытался понравиться, не юлил. Он был спокоен и собран, его действия казались прямолинейными. Он напоминал хорошо заточенный клинок, который разит врага. И это подкупало едва ли не больше, чем мягкость Сумико-сама. Постепенно в его глазах она становилась больше матерью, чем наставницей.

Глупость? Возможно. Он не знал. Просто теперь больше времени проводил в обществе Сенджу и это накладывало свой отпечаток. Он его уважал, но его верность принадлежала Сумико-сама и Клану. В этом он был уверен на все сто.

Продолжение следует...